

26.10.2004

30

ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ
26 октября 2004

STORY-КЛУБ

«АМЕРИКАНЦЫ РЕШИЛИ,
ЧТО Я НАСТОЯЩИЙ «LATIN LOVER»

Марчелло Мastroяни: «Я никогда не считал женщин – я их только любил»

В фильме Феллини «Интервью» есть эпизод: на вилле Мastroяни американка журналистка выпытывает у актера: «Синьор Мastroяни, когда вы заметили, что безумно нравитесь женщинам?» «Ну, скажем, тогда, – расплываясь в улыбке, отвечает Марчелло, – когда я заметил, что женщины нравятся мне самому». И хотя Марчи, как его называли друзья, и недолюбливал привешенные к нему журналистами ярлыки вроде «итальянский жених» или «latin lover», он старался соответствовать им. Хотя бы внешне...

Ирина ДАНИЛОВА

ЖЕРТВА РАДИ ФЕЛЛИНИ

Мastroяни всегда любил быть в центре внимания, флиртовать и так заботился о внешности, чтобы понравиться женщинам, что порой забавлял этим близких друзей. Федерико Феллини вспоминал, что для роли в «Джинджер и Фред» уговорил Марчелло пожертвовать прекрасной шевелюрой и «облысеть». Через пару часов работы парикмахер с помощью воска и ножниц сделал на макушке «итальянского жениха» внушительную «прогалину». И с того самого времени съемочная группа наблюдала, как жизнерадостный Марчи грустнел, мрачнел, замкнулся в себе. А непременным атрибутом его образа стала шляпа, которую актер не снимал ни при каких обстоятельствах – ни на улице, ни в гостях, ни на приемах.

Прошел месяц, второй, третий, Феллини уже закончил съемки, а волосы у Марчелло не отрасли. Актер переживал и стал частенько наведываться к докторам, лишь бы понять, когда закончатся мучения. Зато у Феллини появился новый повод для шуток: «Мне кажется, ты даже в ванной сидишь в шляпе!» Вскоре родилась и другая сплетня: женщины стали передавать одна другой, что «latin lover» и любовью занимается в ней. Когда же Мastroяни, наконец, увидели с непокрытой головой, был всеобщий праздник. «Посмотри, какие у меня выросли красивые волосы!» – похвастался он Федерико и тут же закатил шумную пирушку, на которой позволял каждой симпатичной официантке потрепать свои кудри.

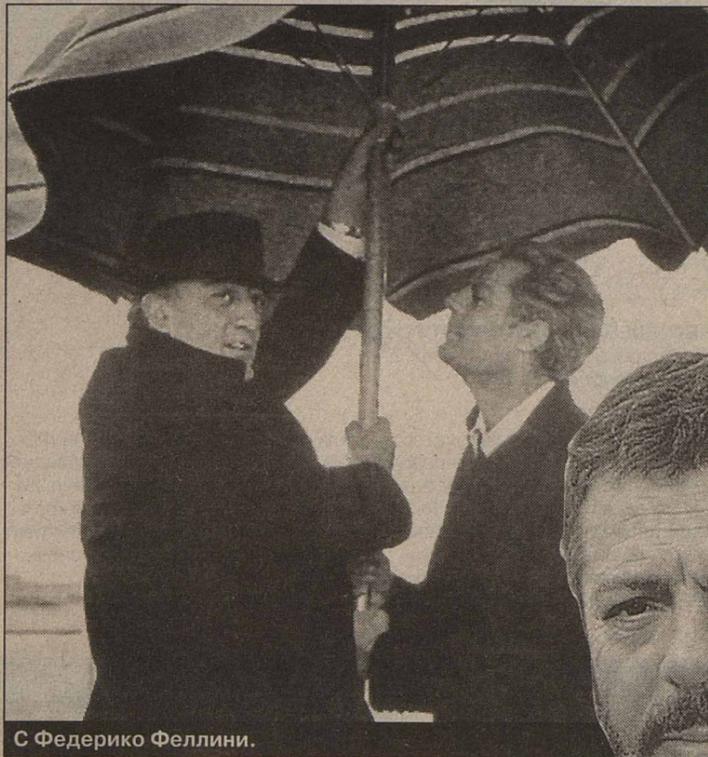
«ДО ЧЕГО ОНИ МЕНЯ ПУГАЮТ!»

Женщины обожали Марчелло, не давали ему прохода. Целые экскурсионные автобусы, набитые пожилыми американками, каждую неделю подъ-

езжали к его вилле, лишь бы увидеть знаменитого итальянца. Когда он снимался на киностудии «Чинечитта», у проходной толпились дамы с огромными букетами. Удивительно, но актера это не столько радовало, сколько нервировало. «Все эти женщины с букетами – до чего они меня пугают!» – жаловался он знакомым. Но им-то казалось, что у них есть шанс, ведь со страниц газет не сходили истории о многочисленных романах Мastroяни. «Тридцать пять лет назад американцы решили, что я настоящий «latin lover», – рассказывал, усмехаясь, Мastroяни. – Но ведь после «Сладкой жизни» я сыграл импотента в «Красавце Антонио» и обманутого мужа в «Разводе по-итальянски». Только те, кто столько лет продолжает называть меня мерзкой кличкой «римский любовник», разве смотрели эти фильмы? Разве они знают, что мне, актеру, за то и платили, чтобы я обнимал на съемочной площадке красивых женщин?»

ТАЙНА СОФИ ЛОРЕН

Но Марчелло, конечно, кокетничал, ведь пальцем на руке не хватит, чтобы перечислить женщин, которых он обнимал не только на экране. На какое-то время рядом с ним оказывались Урсула Андресс, Жаклин Биссет, Катрин Денев, Фэй Дануэй, Анита Экберг, Настасья Кински, Роми Шнайдер, Софи Лорен, Марта Келлер, Моника Вити. Правда, Софи Лорен всерьез откровенничала с Марчелло: «Годы рядом с ним – лучшие годы в моей жизни. Он всегда был для меня просто другом, живущим по соседству». Однако пару лет назад во Франции разразился скандал: некая Мария, пожелавшая, чтобы ее фамилия не называлась, попросила актрису о подтверждении версии ее приемных родителей, по которой она – дочь легендарных кинозвезд. По ее словам, в 1963 году, когда Софи Лорен и Мар-

С Федерико Феллини.

челло Мastroяни снимались в Неаполе в фильме «Вчера, сегодня, завтра», актриса узнала о беременности. В то время Лорен было 28 лет, и она была замужем за кинопродюсером Карло Понти, обеспечивавшим ее лучшими ролями. И, по официальной информации, на четвертом месяце беременности у Лорен случился выкидыш. Но приемные родители Марии рассказали, что Софи все же родила девочку и отдала ее им. Чем дело закончилось, неизвестно, каким-то образом актрисе удалось замять эту историю...

Марчелло тоже не раскрывал секретов взаимоотношений с Лорен. Он вообще не любил распространяться о своих женщинах. «Я никогда не считал женщин – я их только любил!» – однажды признался он.

«ПОРХАЕТ СЛОВНО МОТЫЛЕК»

Хотя о Марчелло мечтали в те времена чуть ли не каждая вторая европейская женщина, ему самому не удавалось надолго удержать рядом с собой женщин своей мечты. Рядом была только одна – Флора Корабела, его законная и единственная жена. Они поженились в далеком 1950

году, когда Марчи был подающим надежды молодым актером театра Лукино Висконти. Она тоже была актрисой, дочерью известного композитора Эцио Корабеллы, автора множества балетов, оперетт и музыки к фильмам. У Марчелло тогда не хватало денег на еду и его, вечно голодного, Флора кормила принесенными из дома пиццами и бутербродами, а однажды привела Мastroяни в гости и открыла перед ним холодильник, доверху набитый всевозможной едой.

Для него это было верхом блаженства, ведь такого изобилия он никогда не видел. Мальчик, родившийся в бедной семье простого плотника Урбано, ставший третьим ребенком, не понаслышке знал и о голоде, и о холоде. В 10 лет он уже окончил ремесленное училище и с тех пор только и работал, лишь бы принесли домой лишнюю лиру: побывал и

С Софи Лорен.

Катрин Денев.

рабочим, и строителем, и чертежником, и бухгалтером в кинопрокатной фирме. «Отец работал в гараже, и от него всегда пахло потом, — вспоминал позднее Матростяни. — А мать по утрам заводила один и тот же разговор: «На что я буду покупать продукты?», и начиналась рукопашная. Долгое время я спал на одной кровати с матерью, потому что в комнате не было места. Мои братья пристраивались рядом с кроватью на полу, отец — в коридоре. Но я не видел в этом ничего ужасного, ведь мои товарищи жили точно так же».

Так что можно представить приятное удивление молодого Марчелло, когда он оказался в гостях у Флоры, жившей с родителями в собственном особняке, с прислугой. Сердце актера не выдержало, он сделал Флоре предложение, а через год у них родилась дочь Барбара. Только одно «но»: если о любви к другим женщинам в своей жизни «итальянский жених» все же иногда распространялся, то законную супругу называл и «самой лучшей подругой», и «сестрой», и «матерью», но никогда — «любимой». Однако какой бы бурный роман актер не переживал, каждый день он звонил Флоре в Рим, а каждый год в день их венчания присылал розы. «Поначалу, узнав о его похождениях, я крушила мебель, кричала, как ненормальная, — рассказывала журналистам «полуброшенная» жена. — Но потом Висконти дал мне жизненно важный совет: «Пусть он будет свободным, без оков, и он всегда будет возвращаться к тебе». Марчелло так уж устроен — он порхает, словно мотылек, безо всякого смысла».

«МАМЕНЬКИН СЫНОК»

Вот так, «с сумкой через плечо», в первый раз и основательно Марчелло «упорхнул» в объятия американской актрисы Фэй Данауэй. Их бурный роман вспыхнул во время съемок «Места для любовников»: «Наша связь началась с поцелуя на съемочной площадке, предусмотренного сценарием. Я обнял ее и начал целовать. И пропал — это было как молния...»

В течение трех лет они тайно встречались, прячась на квартирах друзей или на его вилле, она приезжала к нему на уикенды в Европу, он провожал ее до Калифорнии. Но Фэй сама разрушила их отношения: ей показалось, что пора бы Марчи развестись, а им — завести ребенка. Сначала «итальянский жених» отмалчивался, потом оправдывался, наконец, стал обещать со дня на день уйти от Флоры. Но стоило Данауэй у-

ехать в Америку, как он возвращался домой. Наконец, взбешенная американка послала его к черту, а разбитый Марчелло уехал искать утешение у Флоры. «Я любил Фэй, любил очень сильно, — позднее признался он. — Но все закончилось очень болезненно, и после этого мы не разговаривали. Я больше не хотел ее видеть». Еще бы! Ведь буквально на следующей неделе после разрыва она во всеуслышание отозвалась: «Марчелло — маленький сынок, который не способен на самостоятельные решения».

«ПРИ ЧЕМ ТУТ РАЗВОД...»

Они навсегда запомнили, что это было 4 января 1971 года. Конечно, Марчи и до съемок видел Денев, но, встретив ее за полгода до этого в Лондоне на ужине у Романа Поланского, только и заметил: «Профессиональная красавица». И вдруг — такой неожиданный поворот: холодная и неприступная Катрин к огромному удовольствию итальянца переезжает из своего вагончика к нему, сославшись на то, что у нее нет света, и идет еле теплая вода. «Мы обрели новый источник сил и энергии, которым может быть только любовь и ничто, кроме любви», — вспоминал Марчелло о том счастливым времени. Великолепная француженка, сама того не желая, получает от Матростяни то, чего не смогла получить Данауэй, — он требует у Флоры развода! Только одна незадача: когда «итальянский жених» предлагает Катрин стать его женой, она отвечает отказом. Этого он никак не мог ожидать, ведь они жили вместе, везде появлялись вдвоем, он представлял Денев как свою невесту, она не протестовала, и даже научилась ради него готовить его обожаемую фасоль! «Зализывать раны» мечта миллионов женщин отправляется в Рим к еще не расторгшей брачный контракт законной жене. Она-то принимает «блудного мужа» безропотно: «И зачем ты связался с француженкой? Это же смешно!» Но до разрыва было еще далеко — когда Катрин понимает, что ждет от Марчелло ребенка, она позволяет ему снова быть рядом. Ради нее он готов на все: основательно переезжает в Париж, ходит за ней по пятам. А когда у Марчелло родилась дочь Кьяра, он на следующее утро уже звонил жене. «В ту ночь, когда родилась Кьяра, я не сомкнула глаз, — вспоминала Флора. — Я чувствовала его волнение. Утром он позвонил, сказал, что все хорошо. Я спросила, думая о родившейся малышке, не хочет ли он, чтобы мы развелись? «При чем тут развод...» —

буркнул Марчелло и бросил трубку». В Париже же радостный отец закатил небывалый праздник — прохожих угощали шампанским, а он носился с радостными криками по кварталу. Кьяра стала его любимицей.

Кстати, развод все же мог быть — Марчелло решил и второй раз предложить Денев руку и сердце. И снова услышал отказ, а через некоторое время вовсе был выставлен за дверь. «Наши отношения не могут больше продолжаться, — сказала ему на прощание Катрин. — Они превращаются в ненужную, скучную привычку». Это был финал: Катрин осталась в Париже с годовалой Кьярой, Марчелло уехал в Рим к Флоре и Барбаре.

ЗОЛОТАЯ ДВЕРЬ ТЕАТРА

Ничего бы этого не было — ни «Сладкой жизни», ни «Развода по-итальянски», ни других 148 картин, если бы Марчелло осуществил свою мечту и стал... архитектором. Совершенно не помышляя об актерской профессии, он поступил в Римский университет именно на эту специальность. И только как маленькое увлечение для него оставалась игра в любительском театре, где он пропадал вечерами. И играл бы себе Марчелло-любитель до поры-до времени, если бы однажды на один из спектаклей не пришел Лукино Висконти, который тут же пригласил молодого актера к себе в профессиональный театр «Элизео».

«Я до сих пор не знаю, что он такого во мне увидел, — рассказывал Матростяни. — Я вовсе не собирался тогда оставлять архитектуру и становиться актером: просто подумал, почему не попробовать?» Но дебют был успешным, и когда после спектакля он услышал аплодисменты зрительского зала, их яд сразу отравил его. Марчелло, несмотря на непонимание родных, бросил четвертый курс университета, и стал актером. О сдланном выборе он даже не успел пожалеть — Висконти дает ему роли в самых знаменитых своих спектаклях: «Трамвай Желание», «Три сестры», «Дядя Ваня», «Смерть коммивояжера». Полученной в то время школой Матростяни гордился и всегда с удовольствием вспоминал об этом: «Висконти не только научил меня ремеслу, но и привил вкус. Он научил меня не переигрывать, — фокус, которым очень многие, даже хорошие актеры, не владеют. Я вообще ощущаю себя в привилегированном положении по сравнению со своими коллегами, потому что вошел в искусство через золотую дверь театра».

«НЕИЗВЕСТНЫЙ АКТЕР С ЗАУРЯДНОЙ ВНЕШНОСТЬЮ»

Эта историческая встреча, описана чуть ли не в каждой хрестоматии: был жаркий день, и Феллини назначил встречу на пляже рядом со своей

С Брижит Бардо. 1961 год.

виллой. Он лежал в шезлонге под зонтиком и объяснял Марчелло: «Я должен снимать «Сладкую жизнь», а мой продюсер хочет на главную роль Пола Ньюмена. Но он слишком уж важничает. Мне же нужен какой-нибудь неизвестный актер с заурядной внешностью. Вот я и решил пригласить тебя». Марчелло не обиделся — он всегда считал свою внешность не слишком привлекательной. Лишь с важностью поинтересовался: «Могли ли ознакомиться со сценарием?» «Конечно», — ответил маэстро, командовав принести сценарий. Приняв серьезный вид и приготовившись к чтению, Марчелло открыл врученную ему папку, в которой лежала... стопка чистой бумаги, а на самом верхнем листе оказался рисунок Феллини. «На первой странице я нарисовал человека, которого ему предстояло сыграть, — каким я его видел, — смеясь, рассказывал Федерико. — Он был один в лодке посреди океана, член его свисал до самого дна, а вокруг плавали обворожительные сирени». Матростяни, понимая, что режиссер ждет его реакции, поднимает голову и кивает: «Мне понравилась роль, я согласен». Кстати, с тех пор он больше никогда не просил Феллини показать ему сценарий.

«ПУСТЬ Я ЕЩЕ ПОЖИВУ!»

Уже тяжело больным, страдая от рака поджелудочной железы, Матростяни не прекращал играть, и даже вернулся на театральную сцену. Его последней ролью в театре стала пьеса «Последние луны», где он играл старика, одинокого человека, к которому приходит призрак его умершей жены. Только для того, чтобы выйти к зрителю, Марчелло по утрам проходил изнурительные процедуры химиотерапии. И все равно не утрачивал своего жизнелюбия: «Может быть, я стал и занудой, но все равно смотрю на жизнь с оптимизмом. И синьору с белой бородой там, в небесах, говорю: не обращай на меня внимания, пусть я еще поживу!»

Но у «синьора с белой бородой» был свой сценарий, по которому сердце 72-летнего Марчелло Матростяни остановилось рано утром 19 декабря 1996 года. В этот момент в его парижском доме рядом с ним была его дорогая Катрин Денев и их дочь Кьяра. ■

